

Нелли Иванова-Георгиевская
«НОС» Н. В. ГОГОЛЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ, ИЛИ КАК НАВОДИТЬ ТЕНЬ НА
ПЛЕТЕНЬ

Черт хотел подшутить надо мною!

слова майора Ковалева

Много лет назад пятилетняя Кристина пыталась уяснить – себе и мне – онтологическое своеобразие смысла художественного произведения, удивительно подтверждая своими детскими устами, обычно глаголящими истину, неизвестную ей феноменологическую концепцию, давая мне смущающий меня повод уверовать – в который раз – в достоверную очевидность учения о познании как анамнезисе, о пробуждении в душе врожденных идей. Мы обсуждали с ней вопрос о сказочном мире – я спросила, где живут сказочные герои, и получила простой ответ: в сказке, такой стране, где все возможное и все невозможное. На вопрос, встречаются ли беспрепятственно в этой стране герои разных сказок, был ответ, что нет, не встречаются, потому что там у всякой сказки есть границы, как на Земле у каждого народа. В процессе разговора выяснилось, что у человека, оказывается, в отличие от сказочных героев, отделенных навсегда непреодолимой стеной друг от друга, есть простая возможность попасть в эту страну: для этого только нужно... 2 раза прочитать сказку. Первый раз – чтобы просто знать ее, а во второй раз нужно читать и «сильно думать», тогда непременно попадешь!

Это «сильно думать» требует, как мне кажется, внимательного отношения и прояснения. Ребенок, представляя смысловую реальность сказочного мира, фактически совершал ее феноменологическое исследование, фиксируя в качестве онтологической действительности тот мир смысла, который сформирован сознанием и в сознании, но который, тем не менее, имеет вполне самостоятельное бытие, и его не следует рассматривать как некую реальную часть сознания. Обращение к прочтению повести Н. Гоголя «Нос» в контексте феноменологической концепции позволит, прежде всего, решить вопрос о бытийственном статусе ее смысла, что определит стратегию исследования текста. Феноменология, кроме этого, способна прояснить механизмы и источники смыслоустановления, структуру смысла, и применение феноменологической методологии даст возможность проследить формирование смысловой полноты образов, событий и всей повести в целом, что приведет к пониманию не только содержательной стороны произведения, но и его художественно-поэтического своеобразия. Такая работа позволит показать продуктивные возможности феноменологического метода в области истолкования художественного текста.

Исследуя условия и механизмы формирования смысла, Гуссерль благодаря осуществлению требований феноменологического метода выходит в область феноменологического опыта. Приостановив в акте рефлексивного анализа все бытийственные полагания, что препятствует наивному принятию непроверенных предпосылок, феноменолог совершает эйдетическую редукцию, сводя фактический поток к сущностным его структурам, и трансцендентальную редукцию, переводя действительные переживания сознания в статус ирреальных, оказываясь в пространстве чистого сознания без учета любых действительных связей феноменов сознания – физических, психических, метафизических, превращая живой опыт сознания в модифицированный объект феноменологического исследования (см.: [4, с. 22, 125–136; 5, с. 93–103]). И тогда становится очевидной интенциональная природа сознания, имеющего двойственную структуру: ноэтико-ноэматическую (см.: [4, раздел четвертый]). Дальнейший анализ движется в обоих направлениях, изучая в коррелятивной связи ноэтические акты, придающие смыслы интенциональным предметам, и ноэматические содержания как результаты этих актов.

Интенциональность, обычно трактуемая просто как «направленность на...», у Гуссерля получает развернутое представление как совокупность ряда функций, подробно проанализированных Г. Шпигельбергом [10, с. 23]. Интенциональное сознание является объективацией, когда усмотренные данные чувственных ощущений как части реального потока феноменов связываются ноэтическими актами с интенциональным предметом, не могущим предстать сознанию помимо указанных актов, смысл которого, тем не менее, устанавливается в качестве некой «имманентной трансцендентности». Интенция унифицирует, делая возможным отнесение разных данных, содержащихся в различных способах данности предмета, к единому смысловому ядру. Для Гуссерля актуальным является вопрос о характере бытия ноэмы, смыслового содержания, коррелятивного ноэтическому акту. С одной стороны он утверждает, что смысл не существует за пределами сознания, что он не есть готовая данность, а устанавливается сознанием – это стало важным открытием феноменологического исследования опыта сознания и его интенциональной структуры. Интенция конституирует – это еще одна ее функция, что означает, что интенциональный объект и его смысл не существуют в виде готовой данности, а порождаются в акте индендирования.

С другой стороны. Гуссерль не соглашается считать смысл одной из *реальных* частей сознания, к каковым относятся только *гилетические данные*, содержащиеся в ощущениях, и *ноэтические акты*, оживляющие эту мертвую «материю» путем отнесения содержания этих данных к

предмету, обретающему благодаря таким актам смысл. Бытие же смысла, то есть нозмы, не реально, а *идеально*, то есть смысл нельзя считать непосредственно сознанием как таковым, это результат определенной работы сознания, который не может существовать без такой работы, но его бытие некоторым образом независимо от сознания (см.: [4, с. 196–199]). Эту независимость нельзя трактовать буквально как вневходимость, как самостоятельное существование в качестве трансцендентности, это скорее нечто сформированное внутри сознания, что имеет другую природу, чем само сознание в его реальном существовании. Когда последователь Гуссерля польский феноменолог Роман Ингарден попытается выразить это же применительно к смыслу художественных произведений, он будет говорить о своеобразной объективности внутри субъективности. Дмитрий Лихачев в свое время посвятил много страниц исследованию особенностей художественного мира, или, как он писал, внутреннего мира художественных произведений, показывая, что это совершенно особый космос, живущий в упорядочивающих его ритмы пространственных и временных координатах, и нельзя его отождествлять ни с объективной действительностью, ни субъективным миром сознания автора.

Исходя из сказанного, художественный мир повести «Нос» может рассматриваться как особое бытие, не тождественное действительному миру, но тем не менее способное игрой своих вымышленных компонентов проливать свет на истину жизни мира и человека, и не тождественное субъективному авторскому замыслу и переживанию, хотя рождается именно благодаря им и имеет возможность освещать и проявлять скрытые черты авторской личности и биографии. Тем не менее смысл повести как интенционального бытия ни в коем случае не может быть сведен к иллюстрации объективной реальности или манифестации скрытых мотивов авторских переживаний. Согласно феноменологической концепции, он конституируется в процессе читательского восприятия текста, когда открывается очевидность того, что интенциональная референция не может трактоваться как простая отнесенность продукта сознания (авторского или читательского, неважно) к трансцендентному миру, ибо это сложная система процедур, благодаря которой формируется мир смысла.

Нозма выстраивается посредством отнесения усмотренных разумом содержаний, представленных в различных способах данности, к единому предмету и имеет собственную структуру. Прежде всего, Гуссерль выделяет предметное ядро нозмы, соответствующее предмету, смысл которого устанавливается, понимаемому в широком логическом определении как субъект возможных предикатов (в конце концов именно это предметное ядро нозмы Гуссерль определяет как *смысл*). Вокруг

предметного ядра формируются части нозмы, выражающие различные характеристики данного предмета. И, наконец, в нозме представлены различные бытийственные модальности переживаемой предметности: действительность, возможность, вероятность, недействительность и т. д. (см.: [4, раздел 3, глава 4]). Полнота смысла, таким образом, синтетически формируется из соотношений между мыслимым, первоначально в его пустой всеобщности, интенциональным предметом, и содержаниями, представляемых различными способами его данности [5, с. 123 и далее]. Еще в своих первых трудах, обращаясь к вопросу установления смысла, Гуссерль писал, что полнота смысла выражения создается из сочетания выделенной на основании его языковой формы *интенции значения* (мыслимого значения понятия) и *осуществления значения* (отнесения значения к актуально созерцаемой в любом модусе сознания предметности) [6, с. 65]. Непременными участниками процедуры смыслоустановления являются, таким образом, значение, созерцаемый предмет и отнесение значения к предмету.

Кроме перечисленных характеристик интенции, она выполняет функцию соотношения, когда каждый аспект предметного единства содержит отсылки к другим аспектам, с ним связанным, образующим его горизонт, благодаря чему вообще оказывается возможным полагание идентичного смысла. Гуссерль утверждает, что каждое актуальное переживание сознания окружено горизонтом потенциальных способов данности рассматриваемого предмета (внутренним горизонтом) и множеством возможных связей данного предмета с другими предметами (внешним горизонтом), и содержит указания на эти потенциальности, благодаря чему каждое полагание смысла оказывается всегда сверх-полаганием. Но только так и возможно формирование идентичного смысла предметного единства. Поскольку предмет никогда не является всесторонне, мы вынуждены на основании одностороннего его восприятия устанавливать его целостный смысл, что возможно как раз благодаря горизонту и сверх-полаганию, то есть своеобразной аппрезентации, приведению к сосуществованию невидимых актуально сторон предмета, тем не менее присутствующих потенциально (см.: [5, § 19]). Процесс конституирования смысла выглядит как свободное варьирование в воображении потенциальных способов данности предмета, когда в контексте внутреннего и внешнего горизонта усматривается его сущность [5, § 34]. А это означает, что основой смыслопорождения является время, ибо целостный смысл синтезируется из различных временных фаз, когда переживаемый актуально момент-теперь окружен уходящей в прошлое последовательностью удержаний пережитого в поле опыта, или ретенций, а также последовательностью предвосхищаемых ожиданий, или протенций [7].

Ингарден, обосновывающий способ формирования в процессе эстетического восприятия целостного смысла литературного произведения, учитывает описанную Гуссерлем архитеконику смысла и предписания горизонтной методики становления смысла. Основными компонентами (слоями) произведения являются [8, с. 24]:

- 1) языково-звуковое образование, в первую очередь звучание слова;
- 2) значение слова или предложения;
- 3) предмет, изображенный в произведении или в отдельной его части, – то, о чем говорится в произведении;
- 4) тот или иной вид, в котором зримо предстает нам соответствующий предмет изображения.

Эти компоненты соединяются в «целое высшего порядка» в каждой временной фазе произведения, чем и обеспечивается его смысловая идентичность. Анализ в этом отношении повести «Нос» подтверждает, что полнота смысла формируется на основании синтеза различных способов данности предмета, что можно проследить на примере формирования смысла носа, его утраты, приключений и возвращения. Гоголь являет нам нос в разнообразнейшем перечне форм, в различных бытийственных модальностях, учет которых позволяет в конце концов прийти к идентичному смыслу происшествия, описанного в повести, и самой повести в целом. Нос появляется впервые в неопределенном и крайне неожиданном и необычном для него виде: «Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел *что-то белевшееся*. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. «*Плотное!* – сказал он сам про себя, – *что бы это такое было?*» [3, с. 44–45]². Это неопределенное нечто оказывается *носом коллежского асессора Ковалева*, которого цирюльник брил каждую среду и воскресенье. Плотность и телесность носа является далее в разнообразных видах: его можно *завернуть в тряпку, теревить, отрезать*. Перепугавшись до смерти возможности, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, Иван Яковлевич, ничего не понимая в случившемся: «происшествие несбыточное: ибо *хлеб – дело печеное, а нос совсем не то*», решает вынести нос из дома и выбросить. *Завернув нос в тряпку*, он старается его «куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок», но всякий раз встречает препятствия. И когда «*швырнул потихоньку тряпку с носом*» в Неву, почувствовав, как с него «*свалилось десять пуд*», был окликнут квартальным надзирателем, не позволившим так легко отделаться от носа. Все завершается неоднократно появляющимся в повести в момент приближения к прояснению невероятного происшествия пассажем: «Но здесь происшествие *совершенно закрывается туманом*, и что далее произошло, решительно

ничего не известно» [3, с. 47].

Этим богатство фантазии Гоголя не исчерпывается, и далее нос является в разнообразнейших видах. Прежде всего в модальности отсутствия: когда майор Ковалев хотел, проснувшись, посмотреть, как ведет себя *прыщик, вскочивший на носу*, он «увидел, что у него *вместо носа совершенно гладкое место!*», «нет носа!» [3, с. 47–48]. Так вполне действительный и ощутимо телесный способ данности (прыщик на носу) сменяется непонятным явлением отсутствия носа на положенном его природою месте: «*Черт знает что, какая дрянь!* – произнес он, плюнувши. – *Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..*» [3, с. 49]. Синтезируя значения, представленные разными способами данности носа, персонажи и читатели повести приходят к осознанию фантастичности происшедшего – становится ясно, что описываемый предмет есть нос, бытие которого следует воспринимать как «невероятное небытие». Ковалев, сознавая необъяснимость пропажи носа, до выяснения положения дел пытается скрыть этот досадный факт, и тогда Гоголь предлагает сложный способ данности предмета: Ковалев идет по улице к оберполицмейстеру, «закрывши платком лицо, показывая *вид, как будто у него шла кровь*» [3, с. 49]. То есть бытие носа здесь представлено в виде скрывания его небытия, в виде такой модальности: видимость действительного бытия носа, скрывающая невероятное, невозможное его небытие. Увеличение слоев смысла предпринято явно с целью усиления необычности происходящего в повести, несмотря на все попытки майора найти правдоподобные объяснения случившемуся: в самом деле, «*не может быть, чтобы нос пропал сдуру*» [3, с. 49].

Гоголь предлагает еще один своеобразный вид описываемого предмета – сокрытия отсутствия носа, который можно назвать «способом данности по аналогии», когда закрывший лицо Ковалев идет «сквозь ряд *нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз*, над которыми он прежде так смеялся» [3, с. 50], что позволяет осмыслить новый аспект восприятия Ковалевым потери собственного носа: его отсутствие может быть естественным физическим следствием болезни, которой часто страдали как раз нищие и которую вряд ли в майорских кругах сочтут приличной. Не зря позже частный пристав, «большой поощритель всех искусств и мануфактурностей», скажет Ковалеву, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» [3, с. 58].

В конце концов нос как предмет, смысл которого устанавливается на основании синтеза способов его данности, представляется Ковалеву и нам как явление совершенно неизъяснимое: «выпрыгнул, согнувшись, *господин в мундире* и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и

вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!), который «был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника» [3, с. 49–50]. Этот господин Нос ведет себя совсем по-человечески: *наносит визиты, с выражением величайшей набожности молится в Казанском соборе, хмурит брови из-за недовольства, отвечает Ковалеву в его попытках завязать разговор с высоким чиновником, который, тем не менее, есть его собственный нос.* Ковалев в конце концов теряет из виду вышедшего из собора господина в мундире статского советника, и, определив его как «плута и мошенника», отправляется искать на него управы у разных чиновников и помощи в газетной экспедиции. Принимающий заявления чиновник не понимает сразу, что речь идет о пропавшем носе, и принимает его то за *сбежавшего дворового человека*, то за *обокравшего майора господина Носова*, и эти формы явления обсуждаемого предмета тоже могут быть рассмотрены как способы данности носа. Кроме этого, наличие носа и его отсутствие постепенно все более осмысливается в его знаково-символическом звучании, поскольку способы данности носа, его присутствия или отсутствия начинают представлять социальный контекст: «Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться» [3, с. 56]. Ковалев видит «извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карман: есть ли при нем синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры, по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, – но мысль о носе все испортила!» [3, с. 57]. Оказывается, необъяснимая потеря носа приводит к утрате всех жизненных возможностей, связанных с майорским чином и составляющим предмет мечтаний Ковалева. Персонаж приходит к осознанию полной своей ничтожности: «Боже мой! боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги – все бы это лучше; будь я без ушей – скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что ни про что, пропал даром, ни за грош!...» [3, с. 59].

В повести пропажу носа пытаются объяснить – то как *странную игру природы*, то как *результат колдовства бабок-колдовок, нанятых штаб-офицершей Подточинной, желавшей, чтобы Ковалев женился на ее дочери*, то как *редкий феномен, требующий объяснения наставительного и назидательного для юношей*. Нос в виде господина в мундире в конце

концов опознан, уличен и возвращен хозяину. Гоголь и в этом месте повести предлагает необъяснимый, неправдоподобный, вызывающий досаду у всех любителей четкости детективной развязки способ данности носа: оказывается, для того, чтобы узнать в солидном господине обыкновенный нос, полицейскому чиновнику следовало только... надеть очки. Надо сказать, что неожиданная смена оптики – та особенность гоголевского письма, которая позволяет ему открывать и рассматривать мельчайшие частицы жизненного пространства, обычно находящиеся за пределами авторского и читательского внимания.

Вследствие этого повесть «Нос» демонстрирует справедливость утверждения феноменологией Гуссерля того, что формирование смыслов осуществляется не в однородном, однообразном поле, каковым можно было бы считать мир сознания. В конце концов, формируется сложная структура регионов бытия, основные из которых – природа, человек, история, имеющие собственный смысл и собственную «грамматику», своеобразные интенциональные акты как обеспечивающие этот смысл. Весь мир в этом отношении может рассматриваться как конституированный универсум множества различных бытийственных регионов, для каждого из которых существует совокупность региональных онтологий, описывающих сущностные отношения каждого региона, подчиняющихся формальной онтологии, формулирующей всеобщие аксиомы о предметности как таковой – которой подпадают не только предметы реального мира, но и вся совокупность идеального бытия (см.: [4, с. 37–41]).

Весь космос повести «Нос» оказывается, в полном соответствии с феноменологическим представлением о региональных онтологиях, сложно структурированным миром, организованным как целостность разнородных порядков. Это, во-первых, природный порядок мира, на уровне которого могут быть рассмотрены явления повествования: этот порядок явно нарушен вмешательством не-природных законов, приведших к невероятному происшествию с носом Ковалева как частью природного организма. Невозможность объяснения с естественно-природной точки зрения исчезновения носа, как и невозможность восстановления его при помощи медицинских процедур, вынуждает в поисках смысла повести выйти за пределы только этой реальности, природного порядка – в пространство социального бытия. Оно выглядит неоднородным. В нем можно выделить порядок индивидуального мира майора Ковалева, смыслы которого, однако, конституированы персонажем повести не на основании имманентных этому миру начал, а на основании находящегося за пределами этой индивидуальной реальности социального мира. Так мы выходим к реальности отношений, предписываемых табелью о рангах, выступающей в повести неким формирующим началом смысла человеческой жизни, некоей точкой отсчета во всех начинаниях

майора Ковалева и прочих персонажей.

Платон Кузьмич Ковалев самого себя и других людей оценивает на основании значимости ступени, которую они занимают в табели о рангах, поскольку каждый чин, обозначенный табелью, предполагает определенный набор жизненных возможностей, воспринимаемых коллежским асессором как ценности, образующие смысл существования. Присвоив себе для придания большей значительности военное звание майора, соответствующее его чину в гражданской табели о рангах, Ковалев всех отождествляет с чинами: «Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо ежели то случалось при посторонних» [3, с. 52]. Вся жизнь Ковалева разворачивается в мире чинов и званий, где все участники жизненной драмы выглядят марионетками, осуществляющими разные виды жизнедеятельности по указанию тайного кукловода, задающего каждому обитателю художественного мира Гоголя его место в социальной иерархии, которое и определяет горизонт жизненных возможностей каждому. Гоголь описывает своеобразную *топографию смыслового пространства*, в котором все персонажи повести действуют в соответствии со званием, им принадлежащим. Это и Ковалев, рассчитывающий свое счастливое будущее исходя из возможностей, предоставляемых чином майора, и так страдающий, когда эти возможности оказались утраченными вследствие потери носа; и Нос, который вводится в повесть как господин «в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротничком; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника» [3, с. 50]. Это и различные обер-полицмейстеры, привратники, столоначальники, частные приставы, квартальные надзиратели, будочники с алебардой, штаб-офицерши, утратившие свою фамилию цирюльники, которые воспринимаются Ковалевым и читателем как носители звания, определяющего их поведение, цели и смысл жизни.

Оказывается, что каждый бытийственный регион художественного мира повести отсылает за свои пределы для определения оснований собственного смысла, когда по вещам-приметам: шляпа с плюмажем, галуны, пуговицы вицмундира, – по частям тела: бакенбардам, носу (его отсутствие становится знаком крушения всех жизненных планов) легко определяются звания и чины. Таким образом формируется многослойная символическая структура, при которой каждый ее уровень вполне может восприниматься как указующий на следующий – подобие построений средневекового мировоззрения, прочитывающего мир как книгу, написанную Богом, который являлся окончательным референтом во множественной системе отсылок.

Кто или что оказывается таким окончательным референтом в книге бытия, которую написал Гоголь в повести «Нос»? В результате

формирования смысла на основании синтеза различных предикатов и бытийственных модальностей интенционального предмета установлено, что главный слой повествования «Носа» – фантастика, чье присутствие в повести обосновывается Гоголем не только разрывом повествовательной структуры, когда завязка и развязка действия вынесены за пределы повествования, что делает невозможным естественное объяснение случившегося, но и усиливающими ее явность и реальность попытками автора ввести некий «реальный субстрат фантастического» [2, с. 213], каковым оказывается сплетня, представленная в «Носе» многообразно и по самым невероятным поводам. Художественный мир повести оказывается некой мнимой реальностью [9, с. 563]. Гоголевская фантастика позволяет вывести к присутствию в мире небытия. Как писал Абрам Терц, «сбежавший нос есть некая нулевая безмерность» [1, с. 321], присутствие некоего отсутствия в мире, что особенно интересовало Гоголя. И это, возможно, самый глубинный бытийственный регион, обнаружение которого позволяет найти подлинные основания смысла всех событий повести.

Неоднородная структура мира и повседневной жизни в повести «Нос» дает повод к тематизации проблемы intersубъективных оснований смыслополагания, наличие которых является важнейшим в рамках феноменологического анализа условием конституирования смысла мира и собственной жизни. Гуссерль, придя в конце концов к пониманию трансцендентального бытия как монадологической intersубъективности, рассматривает мир как «тождественный интенциональный предмет разделенных между собой переживаний» [5, с. 244], принадлежащий сообществу монад, которые образуют intersубъективный универсум, где «сущее вступает в интенциональное сообщество с другим сущим», благодаря чему становится «в трансцендентальном смысле возможным бытие мира, мира людей и вещей» [5, с. 247]. Трансцендентальная intersубъективность оказывается разворачиванием «универсального логоса всякого мыслимого бытия» [5, с. 289], результатом чего оказывается конституирование смысла «мира, природы, пространства, времени, одушевленного существа, человека, души, живого тела, социальной общности, культуры и т. д.» [5, с. 289]. Повесть «Нос» предлагает своеобразную транскрипцию intersубъективности, имеющей явно своеобразный характер. Можно говорить о ее неоднородности, о существовании нескольких субъективных полюсов как источников установления смысла. Во-первых, в художественном мире Гоголя универсальным полюсом полагания смысла мира и человеческого бытия следует считать Бога как сверхчеловеческого субъекта, задающего миру основные формы его существования, а человеку параметры действия, познания и оценивания на основании различения добра и зла. Во-вторых, в такой роли выступает «сообщество монад» – множество отдельных сознаний, оказываю-

щихся полем осуществления смыслообразовательных актов, придающих смысл миру, всему сущему. В этом отношении майор Ковалев может рассматриваться как носитель субъективности, конституирующей его жизненный мир как имеющий определенный смысл. Так, все события повседневного существования в горизонте смыслов, присущем сознанию Ковалева, получают определения значимых или не значимых в зависимости от их способности приблизить реализацию всех мечтаний майора, основанных на возможностях его звания. Но тот автоматизм желаний и самого существования героя повести, который описан Гоголем со всей тщательностью и который позволяет видеть мир повести как машинерию марионеток, дает повод считать субъективность Ковалева лишь местом осуществления некоего сверхиндивидуального Я. Причем, этим надындивидуальным субъектом вряд ли окажется Бог как Высшее и Благое Бытие, ибо весь мир гоголевского повествования пронизан зиянием, дырами, небытием, когда майор Ковалев может быть определен не только как «одушевленное отношение к пошлости» [2, с. 211], но и как участник фантастически-инфернальных событий, приоткрывающих еще одно конституирующее начало смысла мира как универсального горизонта, – черта, чья субстанциальность здесь очевидна и чье вредительское вмешательство в Божественное творение приводит к утрате человеком человечности и окончательной бытийственной укорененности в Добре, а миром – простой ясности и гармоничности, возможности представлять в существенных своих явлениях Истину и Высший порядок. Причем, черт выступает не как сильный противник, ведущий борьбу с человеком, но как некоторая «фикция, имманентно присущая миру», что справедливо представляется Абраму Терцу главным содержанием метафизики естественной человеческой жизни в изображении Гоголя [1, с. 323]. Не зря сам Ковалев находит возможное объяснение невероятному происшествию с его носом: «Черт хотел подшутить надо мною!» [3, с. 55].

Такое понимание предельных оснований бытия мира и человека сформировало определенные существенные черты Гоголевской поэтики и письма, когда писательское внимание оказывается направленным не только на существенное для описываемых событий, поскольку оно не может вывести человека к подлинной Истине и Богу, давно утратив с ними связь благодаря дьявольским козням. Гоголь, напротив, увлечен всем второстепенным, множеством несущественных для повествования и развития действия деталей, на подробнейшее описание которые он постоянно сбивается, из-за чего его художественный мир оказывается населенным огромным числом, на первый взгляд, ненужных вещей и не участвующих в действии персонажей, а его речь наполняется многословием, кажущимися содержательно пустыми словесными фигурами и начинает напоминать такой своей замороченностью то движение сбившейся с наезженного дорожного

тракта на множество ответвляющихся тропинок часто буксующей телеги, то метания разорвавшейся ракеты фейерверка. Постепенно читатель приходит к раскрытию этой странной писательской загадки неритмичности и накопительства несущественного: Гоголь надеется разгадать и возродить тайну высшего смысла мира и человеческой жизни помимо и вне традиционных смысловых связей мира – в мелочах, пустяках, в ерунде и чепухе. А это и означает наводить тень на плетень, оставлять в темноте то, что обычно считается существенным, но Гоголевская нечеловеческая оптика открывает взору те мельчайшие элементы быта и бытия, которые способны не только прояснить скрытое во тьме, но и дать надежду на возрождение из них творческим поэтическим усилием Истины и Добра – правда, последнее, столь характерное для намерений писателя в «Мертвых душах», в повести «Нос» оказалось, скорее всего, не актуализированным.

Примечания

¹ Сама девочка не совершила, по ее словам, такого «сильного думания» исключительно по причинам психологическим: ей было страшно преодолеть границу.

¹ Здесь и далее при цитировании курсивом мною выделяются способы данности носа.

1. Абрам Терц. В тени Гоголя // Абрам Терц (А. Синявский). Собр. соч. в 2-х тт.– Т. 2.– М.: СП «Старт», 1992.– С. 3–336.
2. Анненский И. Книги отражений.– М.: Наука, 1979.
3. Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6-ти тт.– Т. 3.– М.: Госуд. изд-во худож. литературы, 1952.– С. 44–70.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга I. Общее введение в чистую феноменологию.– М.: ДИК, 1999.– 336 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления.– СПб.: Наука, Ювента, 1998.– 316 с.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В. И. Молчанова // Гуссерль Э. Собр. соч.– Т. 3 (1).– М.: Гнозис, ДИК, 2001.– 473 с.
7. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собр. соч.– Т. 1.– М., 1994.
8. Ингарден Р. Двумерность структуры литературного произведения // Ингарден Р. Очерки по философии литературы.– Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999.– С. 21–39.
9. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания.– Кишинев: Лит. артистикэ, 1989.– С. 537–631.
10. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. Пер. с англ. / Перевод группы авторов под ред. М. Лебедева, О. Никифорова (Ч. 3).– М.: Логос, 2002.– 680 с.